

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 121–128.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 121–128.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>

ОБРАЗЫ ПЕРСИИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

**Косар Салими
Абдолмалеки**

Боджнордский университет
Боджнорд, Иран, k.salimi@ub.ac.ir
<https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

Аннотация. В статье рассмотрен корпус русских фразеологических единиц, содержащих структурный инокультурный компонент «персидский», во многом детерминирующий формирование семантики всего устойчивого выражения. Объектом исследования выступили также некоторые фразеологизмы, включающие компоненты-лексемы, заимствованные из персидского языка (персизмы).

Целью настоящей статьи стало описание с лингвокультурологических позиций круга фразеологических единиц, в основе формирования значения которых лежат образы Персии, и выявление значимости, заложенной в них культурной информации.

К исследовательскому материалу были применены такие лингвистические методы, как метод сплошной выборки из лингвистических словарей, семный анализ, лингвокультурологический анализ и когнитивно-дискурсивный анализ фразеологической семантики.

В результате проведенного анализа было установлено, что к группе фразеологических знаков – лингвокультурных маркеров проникновения «персидского» в русское языковое поле – относится небольшое количество семантически емких единиц, среди которых единицы терминологического характера, часть из которых входит в широкое употребление, и сочетания, подвергшиеся фразеологической метафоризации. В составе таких устойчивых сочетаний компонент «персидский» утрачивает свое этнонимическое или топонимическое значение. В процессе функционирования данные единицы «обрастают» смыслами, обусловленными сложившимися в русском языковом сознании за длительный период русско-иранских контактов представлениями о Персии и персидской культуре.

Ключевые слова: фразеологический образ, фразеологическая семантика, фразеологизм, инокультурный компонент.

Для цитирования: Косар Салими Абдолмалеки. Образы Персии в русской фразеологии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 121–128. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>.

Сведения об авторе: Косар Салими Абдолмалеки – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка, Боджнордский университет, 9453155111, Иран, Хорасан Шомали, г. Боджнорд.

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128>

IMAGES OF PERSIA IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

***Kosar Salimi
Abdolmaleki***

Bojnord University

Bojnord, Iran, k.salimi@ub.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>

Abstract. The article considers the corpus of Russian phraseological units containing the structural foreign-cultural component "Persian", which largely determines the formation of the semantics of the entire set expression. The object of the study is also some phraseological units that include components-lexemes borrowed from the Persian language (Persianism).

The aim of this article is to describe the range of phraseological units based on the images of Persia from the linguacultural point of view and to reveal the significance of the cultural information embedded in them.

The study applied such linguistic methods as the method of continuous sampling from linguistic dictionaries, seminal analysis, linguacultural analysis and cognitive-discursive analysis of phraseological semantics.

As a result of the analysis, the author concludes that the group of phraseological signs - linguacultural markers of the penetration of "Persian" into the Russian language field - includes a small number of semantically capacious units, including units of terminological nature, some of which are in widespread use, and combinations that have undergone phraseological metaphorization. As part of such set expressions, the "Persian" component loses its ethnonymic or toponymic meaning. In the process of functioning, these units acquire new meanings due to the ideas about Persia and Persian culture formed in the Russian linguistic consciousness over a long period of Russian-Iranian contacts.

Keywords: phraseological image, phraseological semantics, phraseologism, foreign cultural component.

For citation: Kosar Salimi Abdolmaleki 2023, 'Images of Persia in Russian Phraseology', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 121-128, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-121-128> (in Russ.)

Information about the Author: *Kosar Salimi Abdolmaleki* – PhD in Philology, Assistant Professor, Lecturer of the Russian Language Department, Bojnord University, Khorasan Shomali, Bojnord, 9453155111, Iran.

© Kosar Salimi Abdolmaleki, 2023

Введение

Широкое поле русской фразеологии включает языковые единицы не только различной степени структурно-семантической организации, но и единицы, по-разному соотносимые с элементами культурного пространства. Кроме фразеологических знаков, отражающих национально-культурное своеобразие или, напротив, имеющих универсальный характер, особую нишу занимают фразеологические единицы, являющиеся результатом когнитивного осмысления инокультурной действительности.

Как правило, страны и народы, наиболее тесно контактирующие с Россией, многопланово и разнообразно представлены во фразеологических образах русских косвенно-производных номинаций. Среди них рассматриваются, прежде всего, фразеологические единицы с соответствующим топонимическим / этнонимическим компонентом. Например, с компонентами «Англия» / «английский» / «англичанин» / «по-английски» в русском языке функционируют устойчивые обороты *закрой глаза и думай об Англии; английская болезнь; англичанин-мудрец, (чтоб работе помочь); уйти по-английски (не прощаясь)* и др. [4, с. 19–22].

Восток (в самом широком смысле этого слова) в отличие от Европы всегда воспринимался членами русского лингвокультурного сообщества как нечто экзотическое, наделенное своеобразным колоритом. Фрагмент русской картины мира, связанный с Востоком, структурируется культурными установками, представлениями, стереотипами, обыденными и научными понятиями обо всем восточном и репрезентируется во фразеологической системе языка различными устойчивыми единицами, номинирующими элементы быта, традиции, обряды, артефакты и ментефакты инокультурного пространства: *египетская работа, китайская стена, китайский болванчик, турецкий барабан, арабские сказки, восточный вопрос* и мн. др.

Цель данной статьи – описать с лингвокультурологических позиций «персидский» след в русской фразеологии, т. е. определить круг фразеологических единиц, в основе формирования значения которых лежат образы Персии, и выявить значимость заложенной в них культурной информации.

Согласимся с мыслью Т. М. Филоненко о том, что «фразеологический образ непосредственно отражается не только в актуальном фразеологическом значении, но и влияет на экспрессивность, эмоциональность и оценочность фразеологической единицы» [10, с. 5].

Безусловно, персидская фразеология становилась объектом самостоятельного научного изучения. Отдельные вопросы контрастивных исследований русской и персидской фразеологии были решены в работах [3; 5; 6 и др.]. Одно из наиболее полных исследований проведено Г. С. Голевой [2].

Обратимся к примерам. В персидском языке для вербализации универсального когнитивного признака «знание» выстраивается сложный образ, связанный с особым пониманием европейской культуры, – *знать лучше, чем европеец свои часы*, т. е. сравнение осуществляется через образ «чужого», выступающий эталоном знания. В русской языковой картине мира образную основу фразеологического значения ‘очень хорошо знать’ составляет соматический компонент «пальцы» – *знать как свои пять пальцев*, т. е. концептуально знание концентрируется в «своем круге». Эти примеры демонстрируют разность в мировосприятии представителями русской и персидской культур и специфику отражения результатов познавательных процессов в неродственных языках. Однако мы предприняли попытки выявить элементы персидской культуры, закрепившиеся в русской картине мира и отразившиеся в знаках косвенно-производной номинации, следовательно, в той или иной степени обладающие лингвокультурной ценностью.

Материалы и методы

Материалом исследования является корпус русских фразеологических единиц, содержащих структурный инокультурный компонент «персидский», во многом детерминирующий семантику всего устойчивого выражения. Напомним, что Исламская Республика Иран получила свое название только в 1935 г., возможно, поэтому в русском языке нами не обнаружено ни одного устойчивого сочетания с компонентом «иранский».

Кроме того, в центре исследовательского интереса находятся некоторые фразеологизмы, включающие компоненты-лексемы, заимствованные из персидского языка (персизмы).

Примеры функционирования фразеологических единиц взяты нами из Национального корпуса русского языка [7].

В ходе исследования нашли применение такие лингвистические методы, как метод сплошной выборки из лингвистических словарей, семный анализ, лингвокультурологический анализ и когнитивно-дискурсивный анализ фразеологической семантики.

Результаты и обсуждение

В результате сбора и анализа языкового материала приходим к выводу, что основную часть инокультурных фразеологических единиц, отражающих когнитивно-дискурсивную связь с образами Персии, составляют единицы с компонентом «персидский». Сразу отметим: адъектив *персидский* – производное либо от существительного *перс*, являющегося, по данным М. Фасмера, старославянизмом, пришедшим в русский язык через греческий Πέρσις из др.-перс. *pārša-*, либо от формы *Персия*, которая появилась позднее др.-русс., цслав. *Перьсида* под воздействием ср.-лат. *Persia* [9].

Из функционирующих в русском языке устойчивых сочетаний с компонентом «персидский» к кодифицированным относится лишь сочетание терминологического характера *персидский порошок* – ‘порошок из измельченных головок персидской ромашки, употребляемой для истребления насекомых-паразитов (клопов, блох, тараканов и т. п.)’ [11, с. 822]. Однако среди единиц с такого рода лексикограмматической связностью элементов можно назвать следующие ботанические и зоологические наименования: *парротия персидская* – ‘высокое дерево семейства губоцветных, происходящее из Ирана и других стран Ближнего Востока’; *персидская ромашка* – ‘многолетнее травянистое растение, относящееся к семейству астровых, обладает необычным окрасом лепестков’; *персидская сирень* – ‘кустарниковое растение, выведенное путем скрещивания афганской и мелконадрезной сирени’, а также *персидская борзая* – ‘одна из древнейших пород собак, высоконогая элегантная собака с поджарым телом и минимальным количеством подкожного жира’ и *персидский кот (персидская кошка)* – ‘одна из старейших в мире пород длинношерстных кошек’. Во всех примерах компонент «персидский» реализует значение – ‘происходящий из Персии, имеющий родиной Персию’, хотя фактически такая связь является предположительной, а внутренняя форма выражений – стертой.

Сочетания *персидская сирень* и *персидский кот (персидская кошка)* характерны не только для научной, но и для обыденной картины мира представителей русского лингвокультурного сообщества. Безусловно, персидские кошки – популярные домашние животные, в том числе и в России, а персидскую сирень можно встретить во многих садах. Обратимся к примеру: *Я сместился к стволу, узловатому стволу, досконально известному объятьям моего детства – инжир, алыча, абрикос, персидская сирень поднимали нас в высоту, на капитанские мостики, сплетенные из тростника...* (А. Иличевский. Перс).

Остальные единицы – *персидский ковер* и *персидский платок* (*персидская шаль*) – являются элементами обиходно-бытовой лингвокультуры, поскольку получают активное и частотное употребление только в повседневном дискурсе. Например: *Красовская по-старинному была гладко причесана, и на ней была накинута настоящая персидская шаль, как я узнал потом, огромной цены...* (В. Гиляровский. Люди театра).

При этом данные устойчивые сочетания выступают квазисимволами персидской культуры: каждый из номинируемых ими артефактов непосредственно соотносится с историко-культурным пространством древней Персии и современного Ирана.

Особый интерес представляет номинация «персидский», сохранившаяся за коврами, произведенными в настоящее время в Иране, хотя ткацкая история ковра насчитывает не одно тысячелетие. Ковер в представлении восточных народов, в том числе и персов, являлся моделью земного рая, поэтому количеством и качеством ковров, которыми был застелен дом, измерялся уровень благосостояния человека. История персидской цивилизации неразрывно связана с историей персидского ковра, искусство изготовления которого передавалось от поколения к поколению и было настоящей семейной ценностью. Первоначально ковры ткали дома только для личного пользования или в качестве подарка, а начало мануфактурного производства ковров датируется III в. н. э. Первый сохранившийся до наших дней восточный ковер был найден в археологической экспедиции под руководством советских ученых С. И. Руденко и М. П. Грязнова в одной из усыпальниц Пазырыкских курганов на Алтае в середине XX века.

Устойчивое сочетание *персидский ковер* в русской языковой картине мира является не просто обозначением предмета быта – оно обладает положительными коннотациями и используется как оценочная единица. Обратившись к «Национальному корпусу русского языка», можно подтвердить востребованность названного сочетания. В 70 из 84 рассмотренных нами примеров лексическими распространителями выражения *персидский ковер* в художественной литературе являются атрибутивы *роскошный, дорогой, шикарный, великолепный, громадный* и т. п., подчеркивающие ценность данного артефакта и наделяющего его функцией символа богатства. Например: 1. *Она показала Галактиону свою спальню, поразившую его своею роскошью: две кровати красного дерева стояли под каким-то балдахинном, занавеси на окнах были из розового шелка, потом великолепный мраморный умывальник, дорогой персидский ковер во весь пол, а туалет походил на целый магазин* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб). 2. *Кабинет Верховского служил ему также и спальней. Это была четырехугольная комната, с драпри, за которыми находилась кровать; на стене за нею висел богатый персидский ковер, с развешанным на нем оружием* (А. А. Шклярский. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя)). 3. *Это была довольно большая комната, разделенная лепным альковым на две половины. Мягкий персидский ковер расстилался во всю длину будуара, стены которого, словно диванные спинки, выпукло были обиты дорогою голубою материею* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы).

Кроме того, нами отмечены случаи употребления данного сочетания в функции образного сравнения. Например: *Я – Сказка, пестрая, как персидский ковер, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды). В данном случае основанием для сравнения выступает орнамент восточного ковра. Действительно, цвет настоящих персидских ковров отличается насыщенностью, глубиной, яркостью красок. Геометрический орнамент, который у подлинного ковра ручной работы никогда не повторяется, соответствует сложившемуся в России пред-

ставлению о персидских коврах, особенно пользовавшихся большой популярностью в XIX в., в период расцвета ковроткачества и увеличения экспорта ковров. Стоит обратить внимание на частотное упоминание о персидском ковре в описаниях интерьера в произведениях русской классической литературы: у писателей XIX в. (М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Куприна, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.) и писателей XX в. (В. Я. Шишкова, А. И. Солженицына, Ю. М. Нагибина, Ф. Искандера и др.).

В текстах современных авторов вектор восприятия данного артефакта меняется: персидский ковер – уже не символ богатой и роскошной жизни, а атрибут мещанской пошлости и обывательства, вещизма. Сравним: *Что ты понимаешь под жизнью? Трепотню с подружками о тряпках? Персидский ковер и японский телевизор? Или: я была в зоопарке и видела огромного слона* (В. Приданников. Путь самоотверженного (2002)). Из контекста становится понятно, что *персидский ковер* упоминается в качестве материальной ценности, которая противопоставлена, как и другой инокультурный артефакт *японский телевизор*, или в некоторой степени ставится в ущерб духовным ценностям.

Обращение к инокультурному дискурсивному пространству предполагает вербальную оценку (чаще отрицательную, нежели положительную) «чужой» культуры и ее представителей. Подтверждением этого могут стать устойчивые сравнения с компонентом-этнонимом. В русском языке «инаковость» подчеркивается за счет единиц типа *загорелый как эфиоп, черный как негр, торговаться как цыган* и др. В то же время устойчивых сравнений с компонентами «перс» или «персиянка» нами зафиксировано не было несмотря на то что славяно-иранские связи восходят, по свидетельству О. Н. Трубочева [8, с. 249–250], к первому тысячелетию до нашей эры, что свидетельствует о пребывании славян на берегах Дуная. Торговые связи между Ираном и Русью отмечаются с конца IX – начала XI в. Однако русский язык не стремится к параметризации «чужого» культурного пространства. В результате языковых контактов пополняется лексическая система русского языка, в которой насчитывается свыше 400 персизмов, проникших в основном в ходе торговли, путешествий или дипломатических контактов [1].

Тем не мене, хотелось бы выделить несколько фразеологических единиц, семантически ядерным компонентом которых является лексема, заимствованная из персидского языка. Прежде всего речь идет о фразеологизмах с компонентом «аршин»: *аршин с шапкой, вырасти на аршин (на два, на три аршина), как аршин проглотил, мерить на свой (на один) аршин (своим аршином), на аршин смерть, семь аршин говядины и три фунта лент, видеть на три аршина в землю (под землей, под землю)*. Каждое из данных выражений связано со старинной мерой длины, равной 0,71 м и сменившей локоть на рубеже XV – XVI вв. Слово *аршин* восходит к персидскому āgāš – «локоть». Изначально аршином мерили именно восточные ткани, в том числе привезенные из Персии. Перечисленные фразеологические единицы нельзя назвать национально-специфическими, поскольку подобные выражения есть и в других славянских и европейских языках и образованы они по общей «метрической» модели. Однако примечательно, что в русском языке наибольшей фразеологической продуктивностью обладает именно персидское заимствование *аршин*, генетическая связь которого с первоисточником давно утрачена, а многими носителями русского языка оно воспринимается как собственно русское.

Более явно связь с персидской лингвокультурой осознается во фразеологизме, восходящем к терминологии шахматной игры, *объявлять / объявить шах и мат* – ‘ставить кого-либо в трудное, безвыходное положение’. Генетический дискурс – персидское выражение šāh māt – «шах умер». К тому же сочетание *персидский шах*, по нашим наблюдениям, используется в русском лингвокультурном пространстве не

только как прямое обозначение иноземного правителя (шах – титул монарха Ирана), но и как метафорическая номинация, где мотивирующими семантиками являются те, что подчеркивают «статусные» характеристики шаха. Сравним: 1. *Кое-кто копается в проигрывателях, кое-кто отращивает бороду, кое-кто, как персидский шах, потягивает длинную восточную трубку с благовонным табаком...* (М. М. Кириллов. Дневник); 2. *Ты, Сережа, снова вилку сегодня держал, как персидский шах! Что, скажи на милость, из тебя выйдет?* (А. О. Осипович (Новодворский). Накануне ликвидации); 3. *При этом Чичиков надел на голову ермолку, вышитую золотом и бусами, и очутился, как персидский шах, исполненный достоинства и величия* (Н. В. Гоголь. Мертвые души). В приведенных примерах с помощью образного сравнения *как персидский шах* подчеркиваются особые манеры и поведение объекта номинации. Подобное сравнение обусловлено особенностями индивидуального стереотипного восприятия говорящим образа восточного правителя.

Заключение

В заключение отметим, что инокультурный фрагмент в русской фразеологической картине мира образуют, наряду с другими инокультурными знаками, единицы с компонентом «персидский». К данной группе фразеологических знаков – лингвокультурных маркеров проникновения «чужого» в русское языковое поле – относится небольшое количество семантически емких единиц, среди которых единицы терминологического характера, часть из которых входит в широкое употребление, и сочетания, подвергшиеся фразеологической метафоризации. В составе таких устойчивых сочетаний компонент «персидский» утрачивает свое этнонимическое или топонимическое значение и «обрастает» смыслами, детерминированными сложившимися в русском языковом сознании за длительный период русско-иранских контактов представлениями о Персии и персидском.

Список источников и литературы

1. Акбари Р. М. Русско-персидские языковые контакты: на материале заимствований : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Акбари Рогайе Мохарам. Казань, 2014. 183 с.
2. Голева Г. С. Фразеологическая система современного персидского языка (фарси) и принципы составления Фарси-русского фразеологического словаря : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22 / Голева Галина Сергеевна. М., 2005. 250 с.
3. Косар Салими Абдолмалеки, Наргес Аштиани Мадждабади Кохнех. Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков // Гуманитарный вектор. 2020. № 5. С. 62–69.
4. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве : познавательный словарь-справочник. Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2019. 204 с.
5. Мирейла Ахмади, Алиари Шорехдели Махбубех, Хаэри Мехрнуш. Русские фразеологические единицы с соматическим компонентом «голова» в сопоставлении с персидским языком // Преподаватель XXI века. 2020. № 3-2. С. 428–435.
6. Нассири Мехди. Фразеологизмы в персидском и русском языках: сопоставительный аспект разных видов // Наука и школа. 2012. № 1. С. 61–63.
7. Национальный корпус русского языка : электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).
8. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. // Славянское языкознание : IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983. С. 231–270.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: АСТ : Астрель, 2009. Т. 3. 830 с.
10. Филоненко Т. М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества : на материале фразеологии современного русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Филоненко Тамара Михайловна. М., 2004. 41 с.

11. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка* : более 35000 фразеол. единиц : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 1. 832 с.

References

1. Akbari, RM 2014, *Russko-persidskiye yazykovye kontakty: na materiale zaimstvovaniy* (Russian-Persian language contacts: based on the material of borrowings), PhD thesis, Kazan. (In Russ.)
2. Goleva, GS 2005, *Frazeologicheskaya sistema sovremennogo persidskogo yazyka (farsi) i printsipy sostavleniya Farsi-russkogo frazeologicheskogo slovarya* (Phraseological system of modern Persian (Farsi) and principles of compiling a Farsi-Russian phraseological dictionary), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Kosar, SA & Narges, AMK 2020, 'Kontsept «sobaka» v poslovitsakh i frazeologizmakh russkogo i persidskogo yazykov' (The concept of "dog" in proverbs and phraseological units of the Russian and Persian languages), *Humanitarian vector*, no. 5, pp. 62–69. (In Russ.)
4. Lapteva, ML 2019, «*Chuzhoje*» v «*svoyem*» *frazeologicheskom prostranstve* ("Alien" in the "own" phraseological space), IP Sorokin Roman Vasilyevich publ, Astrakhan. (In Russ.)
5. Akhmadi M, Aliyari, SM & Haeri, M 2020, 'Russkiye frazeologicheskiye yedinitsey s somaticheskim komponentom «golova» v sopostavlenii s persidskim yazykom' (Russian phraseological units with the somatic component "head" in comparison with the Persian language), *Prepodavatel XXI vek*, no. 3-2, pp. 428–435. (In Russ.)
6. Nassiri, M 2012, *Frazeologizmy v persidskom i russkom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt raznykh vidov* (Phraseological units in Persian and Russian: comparative aspect of different types), *Science and School*, no. 1, pp. 61–63. (In Russ.)
7. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus), viewed 15 July 2023, <http://ruscorpora.ru> (In Russ.)
8. Trubachev, ON 1983, 'Yazykoznanie i etnogenez slavyan. Drevniye slavyane po dannym etimologii i onomastiki' (Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics), *Slavic Linguistics: IX International Congress of Slavists*, Moscow, pp. 231–270. (In Russ.)
9. Fasmer, M 2009, *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* (Etymological dictionary of the Russian language), vol. 3, AST publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
10. Filonenko, TM 2004, *Frazeologicheskiy obraz v yazykovykh modelyakh prostranstva, vremeni i kolichestva* : na materiale frazeologii sovremennogo russkogo yazyka (Phraseological image in language models of space, time and quantity: Based on the phraseology of the modern Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
11. *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the modern Russian literary language) 2004, vol. 1, Tihonov A.N. (ed.), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.07.2023
Одобрена после рецензирования: 19.09.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 25.07.2023
Approved after reviewing: 19.09.2023
Accepted for publication: 17.11.2023